

ОТ КОНЦЕПТА К СЕМАНТИЧЕСКОМУ АРХЕТИПУ

С.А. Кошарная

Россия, г. Белгород, Белгородский государственный
университет
kosharnaja@bsu.edu.ru

Не вызывает сомнения, что информация культурного характера о картине мира для того или иного хронологического этапа может быть извлечена из лексической семантики. И наоборот, «только познав закономерности структурирования знаний в рамках соответствующей культурно-исторической парадигмы и/или ценностно-смысловую структуру этнокультурного сознания, можно с определенной степенью достоверности реконструировать изначальную смысловую модель, породившую языковую форму для косвенно-производного обозначения внутреннего и внешнего мира человека» (Алефиренко Н.Ф., 2002: 9).

Исходя из этого положения, концептуальный анализ является сегодня не только средством постижения современных представлений о мире, заключенных в языковом факте, но и становится средством верификации этимологических разысканий, особенно в тех случаях, когда номинации не имеют очевидной этимологии. Так, по мнению Д.К. Зеленина, М. Фасмера, Н.М. Шанского и других исследователей, слово *русалка* являет собой производное от др.-рус. *Русалия* (название языческого праздника весны), аналоги которого известны всем славянским народам. П.Я. Черных (II: 128), восстанавливая внутреннюю форму восточнославянского слова *русалка* (именно с восточнославянского ареала мифоним распространился на сопредельные территории) посредством его соотнесения с *Русалией*, отмечал, что вера в русалок у восточных славян в Древней Руси была связана с дохристианским языческим праздником воскресающей природы и поминовения усопших, совпавшим после крещения Руси с пятидесятницей (50-й день после Пасхи), Духовым днем. При этом большинство этимологов (вслед за К. Мошинским) сегодня полагают, что название *Русалия* представляет собой заимствование непосредственно из латинского: *rosalia* (< *rosaria*) – первоначально «праздник роз», во время которого приносили розы на могилы близких. Однако, разделяя данную точку зрения в целом, еще Д.К. Зеленин, а позже Т.Д. Златковская (1978:

212) отмечали, что, кроме названия, восточнославянскую *русалку* с античным праздником роз ничто не связывает. Единственное, что их объединяет связь с культом предков. Однако в русском языке связь образа русалки с культом предков отражена в синонимичном наименовании мифоперсонажа – *берегиня*. Большинство этимологов связывают данную мифолексему со словами *берець*, *оберег*, что выявляет в качестве основной в мифониме сему «оберегающая» (коррелирует с возможным образом мифологизированного предка), или с именем *Перуна: прѣгыня* («холм, поросший лесом») > *берегиня*. Думается, что предполагаемое А.Н. Афанасьевым этимологическое родство *берегиня* – *берег*, которое исследователь обосновывал культурологически: по русским поверьям, русалки могут бегать по берегам рек и горным скатам (*берег* – «гора», ср. соответствие: рус. *круча* и лит. *krantas* – «крутой берег» – при этимологическом родстве последних), на деле является следствием позднейшего сближения (семантической аттракции) со словом *берег*.

Исходя из языковой тенденции к экономии средств, можно полагать, что номинанта *русалка* актуализировала иной персонажный признак, что ставит под сомнение связь слов *русалка* – *Русалия*. Кроме того, в народных говорах название *Русалия* практически не имеет хождения, структура данного слова также не соотносится с продуктивными в народной речи словообразовательными моделями, по которым строятся обрядовые лексемы. Дни, в которые якобы активизируются русалки, в народной среде называют *Русальной неделей*, *Русалочной неделей* (курск. и др.).

Существующие объяснения происхождения мифонима, помимо прочего, вызывают ряд возражений общезыкового характера, начиная с того, что сходного наименования нет в других европейских языках (ср.: нем. *Nixe*, англ. *mermaid* – «русалка»), чего можно было бы ожидать в случае действительного древнего заимствования из латинского. Мысль о том, что название русалки связано с *rosalia*, неправомерна и в силу внутриязыковых – фонетических – несоответствий: в противном случае остается не вполне объяснимой замена /o/ (*ros-*) на /y/. Возможность контаминации мифолексемы со словом *русло* (такая гипотеза существует) представляется сомнительной, поскольку последнее, вероятно, отсутствовало в древнерусском языке и отмечается словарями лишь с 1822 г. (хотя следует заметить, что время фиксации далеко не всегда соответствует времени возникновения слова. Так, само слово

русалка, безусловно древнее, фиксируется только по старорусским памятникам и входит в словарь русского языка лишь с 1794 г., но все же ранее, чем слово *русло*).

Ю.А. Сипинев и И.А. Сипинева (1994: 114) склонны видеть в славянизме *русалка* древнейший корень, обозначающий воду (*роса*), однако в этом случае вновь появляется немотивированное /у/ в корне мифонима. Если же /у/ в корне исконно, то исходный корень не мог выглядеть как **rus-* (<**rous-*), иначе «сработало» бы славянское правило перехода **s* в **ch* после **u*, что дает основания для внутренней реконструкции в корне этимологического смычного согласного, который впоследствии мог выпасть под действием закона открытого слога. Таким образом, сближение имени *русалка* с названием античного праздника, со словами *русло* или *роса* представляется необоснованным.

В то же время прослеживается очевидная семантическая общность восточнославянской *русалки* и *вилы*, известной прежде всего южным славянам, хотя согласно лексикографическим данным существительное *vila – rusalka, nimfa* – представляет собой древнейшее (праславянское) суффиксальное отглагольное образование (с суффиксом *-l-a*), так называемое *nomen agentis* (родств. глаголу *vitъ*), при этом словарь праславянского языка отождествляет понятия «вила», «русалка», «нимфа» («SP», I: 105). В связи с этим возможна нетрадиционная трактовка фразеологизма «*Вилами по воде писано*». По мнению В.М. Мокиенко, данная идиома тождественна итал. *Scrivere su una fiasqua* – буквально «*писать на колоде с водой*» – и связана с гидромантией (Мокиенко В.М., 1998: 99). Безусловно, происхождение идиомы связано с гаданием по воде, являющимся одним из древнейших видов гадания и непосредственно связанным с мифологической культурной парадигмой, однако остается не вполне объяснимым включение в состав идиомы лексемы *вила*. «Слово *вилы* первоначально означало «*круги*» (ср.: *вилок*, диал. *вил* «*завиток*»)). Появление кругов на воде могло ассоциироваться мифологическим сознанием с присутствием в воде (под водой) сверхъестественных существ, которым известно то, что недоступно живым. В свою очередь, мифоконцепт «*Вила*» вбирает следующие представления: «антропоморфное существо женского пола»; «молодая, красивая девушка»; «с длинными распущенными волосами»; «в светлых, свободного кроя одеждах»; «живут сообществами»; «появляются преимущественно из воды или

у воды»; «передвигаются легко (ходят, бегают, реже – летают)»; «время появления и контактов с человеком – весна или лето, ночью или в предраусветные часы»; «музыкальны (поют, водят хороводы)»; «амбивалентны по отношению к человеку (помогают или вредят)»; «возможны квазибраки с молодыми мужчинами, путниками». Перечисленные особенности сопоставимы с концептом «Русалка». Этот образ складывается из тех же основных характеристик, помимо которых, включает: «воздушно-прозрачная, бескровная, бледная» (> «мертвая»), ср. дублетное название русалки *облачная дева* и типологически сходный польский мифологический персонаж – *богинка*, появляющийся в виде *пара* над водой и исчезающий с окончанием грозы, с появлением солнца. В то же время такие особенности русской русалки, как «красивая, молодая» и, наоборот, «безобразная, старая» (севернорусский вариант персонажа) не являются инвариантными, т.е. не входят в облигаторный комплекс, а потому не учитываются нами в ходе реконструкции архетипического значения мифонима. Вероятно, восточнославянский миф о водяной деве является продолжением архаичной общеславянской мифологемы, в результате чего лексемы *вила* и *русалка* проявляют семантическую близость и, в соответствии с персонажными характеристиками, могут быть рассмотрены в одном ряду с мифонимами *водяна*, *водява*, *воденица*, *болотница*, *моряна* (морская дева). Т.е. здесь возможно говорить о тождестве персонажей.

Между тем корень *рус-* не характерен для славянских языков. В современном русском языке слова с указанным корнем немногочисленны и входят в 4 словообразовательных гнезда с базовыми лексемами *русый*, *Русь*, *русло*, *русалка*. Из перечисленных слов только лексема *русый* имеет достаточно ясное этимологическое объяснение: из праславянского **rudsъ* (ср.: *руда*, *рудый*, *рдеть*, *рыжий*) – «светлый, светло-красный, рыжий, русый» (ср.: др.-рус. *руда* – «золотая»), входящего к и.-е. **rudsъ* – «светлый». Можно предположить, что развитие значения данного слова в славянском проходило в два этапа: «светлый» > «светло-красный, рыжий». Заметим, что и в современном русском языке спектр оттенков, трактуемых как «русый цвет» (только по отношению к волосам) достаточно широк: *светло-коричневый*, *ржаной*, *светлый*, *серый*, *сероватый*, ср.: *русак* – вид зайца, имеющего зимой и летом мех *серой* окраски. Интегральной во всех этих семемах является сема «светлый», причем «*неяркий светлый*», в отличие от семантики прилагательного *белый*, исторически родственного др.-инд.

bhalam – «блеск», *bhati* – «светит, сияет» (само слово *цвет* в архетипе семантизируется как «сверкающий, блестящий», т.е. сближается со словом *белый*).

Поскольку образную основу понятия «русалка» составляют компоненты «бледная, светлая», «неясная», «легкая», «неживая» (ср.: *бледный как смерть*), можно предположить этимологическое родство данной мифолексемы с и.-е. **rudsъ* – «светлый» (или с др.-инд. **russa*, аланским *ruxs* с тем же значением «светлый, белый»), чему имеются, помимо прочего, экстралингвистические доказательства: «*Те русалки у белом они. Сарочки таки белы <...>. У белых сарочках, косы распатланы*» (СПЭЛ: 414–415). Имеется типологически сходный с восточнославянской русалкой лужицкий мифоперсонаж *bela žona* (согласно поверьям данный персонаж также появляется накануне Янова дня, т.е. дня Ивана Купалы). Название персонажа прямо указывает на доминантный признак.

Белый цвет (по сути – бесцветный, ахроматический) связан с первичными субстанциями – воздухом, водой. При этом белый (светлый) цвет (наряду с черным и красным) был характерен для символики первобытных ритуалов, где он ассоциативно связывался с миром *духов*. Некоторые примитивные народы раскрашивали свои лица белой краской, чтобы усопший думал, что они не живые существа, а сами духи. Белые одежды являлись знаком траура в Древнем Риме, а ныне в Китае, Японии. По мнению В.Я. Проппа и других исследователей, белый цвет – характерный признак сверхъестественных существ, что находит продолжение в символике православия (белое ассоциируется с Богом, Святым Духом, ангелами и т.п.). Как следствие, для русичей белый – это традиционный цвет траура (савана и т.п.), цвет смерти, а также цвет свадебного платья невесты как символ ее смерти в прежнем качестве-состоянии, что делает возможной связь образа *русалки* с архаичным обрядом жертвоприношения молодых девушек в качестве *невест* божеству воды, ср. греч. *νυμφή* – «невеста» – как одно из названий водяной девы (ср. с обрядом погребения незамужних девушек в брачном наряде). Ассоциативная взаимосвязь мифоконцепта «Русалка» с концептом «Невеста» прослеживается и в том случае, если исходным значением лексемы *русый* полагать семему «светло-красный, рыжий». В русской крестьянской традиции наряд невесты нередко был красным (ср. с символикой архаичного похоронного обряда, в процессе которого покойника посыпали красной охрой, символизи-

ровавшей переход в новую жизнь. Ныне красный цвет почти ушел из погребальных обрядов славянских народов, однако остается таковым, например, в цыганском похоронном обряде). Что касается современной языковой и ментальной картин мира, то слово *русалка* (с положительной коннотацией) в метафорическом значении «девушка с распущенными волосами» устойчиво употребляется по отношению к молодым девушкам добрачного возраста (= *невестам*). Сочетание «старая *русалка*» – почти оксюморон, направленный на создание комического эффекта. Таким образом, концептуальный параллелизм «Русалка» – «Невеста» обнаруживается и на современном срезе.

Исходя из вышесказанного, можно с достаточной степенью уверенности предположить, что слово *русалка* является исторически однокоренным с объяснимым *русый* (к этой версии склонялся и А.Н. Соболев). Аналогичное закрепление в мифониме цветовой характеристики мы видим в синонимичных наименованиях *смолянка*, *смоляна*, *смулянка* – «русалка, произошедшая из ребенка»: «Як велика деука помере, то русауки, а як дитя, то смулянки» (СПЭЛ: 415). Следовательно, анализ мифоконцепта позволяет полагать, что слово *русалка* образовано от несохранившегося глагола **русати* – «белеть, светлеть» – по продуктивной для славянских языков модели, поскольку отглагольные имена с опорным консонантным элементом *-l-* представляют собой достаточно древний пласт производных.

Таким образом, на сегодняшний день этимологический анализ совершенно оправданно всё более смыкается с анализом концептуальным и только в этом единении возможно разрешение многих спорных вопросов, связанных с реконструкцией архетипических идей, мотивировавших некогда возникновение того или иного слова.

Литература

Алефиренко Н.Ф. Языковое сознание и лингвокультурология образной идиоматики // Фразеология и миропонимание народа: Материалы Международной научной конференции: в 2 ч. Ч.1. Фразеологическая картина мира. Тула: Изд-во ТулГПУ, 2002. С. 5–12.

Златковская Т.Д. Rosalia – русалии? О происхождении восточнославянских русалий // VIII Международный съезд славистов: История, культура, этнография и фольклор славянских народов. М., 1978. С. 210–226.

Мокиенко В.М. От Авося до Ятя: Почему так говорят? Справочник по русской идиоматике. СПб: Изд-во СПбГУ, 1998.

Сипинев Ю.А. Русская культура и словесность / Ю.А. Сипинев, И.А. Сипинева. СПб: Сайма, 1994.

СПЭЛ – Материалы к словарю полесской этнокультурной лексики (Опыт компьютерной обработки восточнославянской диалектной лексики) // Восточнославянский этнолингвистический сборник. М.: Индрик, 2001. С. 300–431.

Черных П.Я. Историко-этимологический словарь русского языка. Т. 1–2. М., 1994.

«SP» – Słownik prasłowiański. Т. 1. Wrocław; Warszawa; Krakow; Gdansk, 1974.

ТОЛЕРАНТНОСТЬ В ЧЕШСКОЙ ЛИНГВОКУЛЬТУРЕ

Л.И. Даниленко

Украина, г.Киев, Киевский национальный университет им.

Тараса Шевченко

dankoua@ukr.net

Научный авторитет ученого создается его собственным трудом. Труды уважаемого юбиляра Николая Фёдоровича Алефиренко отличаются, с одной стороны, глубиной новых теоретических подходов к проблемам современной лингвистики. Назовем, к примеру, теорию «когнитивно-семиологической синергетики слова» (Алефиренко Н.Ф., 2006), «когнитивно-смысловой синергетики фраземы» (Алефиренко Н.Ф., 2008: 11), «теорию перспектив», применение которой «в когнитивной фразеологии «оправдает» имеющиеся во фразеосемиозисе нарушения доминирования прямо номинативного представления денотативной ситуации» (Алефиренко Н.Ф., 2008: 141). С другой стороны, научному стилю Н.Ф. Алефиренко присуще толерантное отношение к взглядам оппонентов. В этом мудрость Ученого, работающего ради научной идеи.

Наше дальнейшее изложение связано с рассмотрением концепта «Толерантность» в чешской лингвокультуре. Толерантность представляет собой весьма сложное понятие. Во-первых, потому, что это имя абстрактно, а имена абстрактных понятий – «текучи», «калейдоско-